

ИСТОРИЯ

УДК 947.083: 930.85(14)

М.А. Воскресенская

КУЛЬТУРОСОФСКАЯ КРИТИКА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ФИЛОСОФСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ Н.А. БЕРДЯЕВА

На материалах философской публицистики раскрывается подход Н.А. Бердяева к анализу русской революции, заключавшийся в поиске культурных смыслов политической реальности. Автор приходит к заключению, что при разработке и реализации любых модернизационных проектов целесообразно принимать во внимание идеи мыслителя о первостепенной значимости духовных факторов общественного развития.

Ключевые слова: Н.А. Бердяев; русская революция; публицистика, культурософская интерпретация политического процесса.

Первые попытки анализа революционных событий начала XX в. в контексте тех процессов, которые сегодня принято обозначать термином «модернизация», предпринимали еще сами современники переломной исторической эпохи. Основные дискуссии изначально (да и впоследствии) разворачивались с различных идеологических позиций вокруг политических, экономических, социальных преобразований в России. Эти острые споры о насущном и, как многим представляется, главным заглушали голоса тех, кто стремился постичь культурные смыслы разразившихся цивилизационных катаклизмов и намечавшихся для страны перспектив. Однако с течением времени все отчетливее осознается несуетная, несиюминутная актуальность их глубоких размышлений. В число этих мыслителей входит Н.А. Бердяев, в чьем философском и публицистическом творчестве тема революции заняла одно из центральных мест, но при этом не стала поводом для отстаивания какой-то определенной партийной позиции.

Н.А. Бердяев придерживался вполне определенных общественных взглядов: он был убежденным противником насильственных методов разрешения социальных конфликтов и проблем, однако ни к одному из политических лагерей не примыкал и политикой как таковой ни в практическом, ни в теоретическом плане не занимался, хотя и подвергался жесткой идеологической критике буквально со всех сторон – и официальных властей (как до, так и после революции), и разного рода оппозиционных сил. В философской автобиографии мыслитель выразительно обрисовал свое парадоксальное положение между внешней вовлеченностью в политический водоворот и внутренней отстраненностью от политики: «Для философа было слишком много событий: я сидел четыре раза в тюрьме, два раза в старом режиме и два раза в новом, был на три года сослан на север, имел процесс, грозивший мне вечным поселением в Сибири, был выслан из своей родины и, вероятно, закончу свою жизнь в изгнании. И вместе с тем я никогда не был человеком политическим» [1. С. 9]. Тем не менее оставаться совершенно безучастным к бурным социально-политическим процессам и событиям, разворачивавшимся на его глазах, он не мог. Революционные

волнения в России встретили его живой отклик, который мы находим не столько в академических трудах кабинетного затворника, сколько в вышедшей из-под пера философа публицистике, пусть и особого толка – адресованной не широким массам, а скорее интеллектуальной элите.

Свое понимание освободительной борьбы Н.А. Бердяев обозначил еще в период первой русской революции. В журнале «Вопросы жизни» (1905, апрель–май) была опубликована его статья «Культура и политика (к философии новой русской истории)», где, в частности, заявлялось: Осуществление нашей столетней политической мечты должно быть связано с великим культурным и религиозным ренессансом России. Только тогда мы будем знать, во имя чего действовать и творить. Мы ставим своей целью не только элементарное освобождение, но и ренессанс культурный, создание культуры на почве обновленного религиозного сознания» [2. С. 326]. Спустя полгода в журнале «Полярная звезда» (1905. № 2) вышла его статья «Революция и культура». В ней мыслитель признавал, что революция «несет с собой несомненную правду социальной справедливости», но в то же время выражал опасение, что вследствие слабости культурных традиций в России «может разыгаться страшная историческая трагедия», если на смену деспотизму самодержавия придет «вандализм революции» [3. С. 419].

Тяжелейшие эксцессы по обе стороны баррикад Н.А. Бердяев рассматривал не в классово-политической плоскости, а в духовно-нравственном ключе. Подводя итоги революции 1905–1907 гг. совместно с соавторами по сборнику «Вехи» (1909) и пытаясь понять, что же творилось тогда со страной, он приходил к выводу, что непримиримая всеобщая жестокость была спровоцирована бездуховностью «интеллигентщины», а истоки российской трагедии лежат в ее умственно-мировоззренческих заблуждениях, морально-нравственных искажениях революционного интеллигентского сознания. В статье «Философская истина и интеллигентская правда» мыслитель упрекал революционную интеллигенцию в «малокультурном» отношении к духовным ценностям, которые те стремились подчинить «утилитарно-

общественным целям», «интересам политики, партий, направлений и кружков». Главную задачу интеллигенции как наиболее образованной и мыслящей части общества он видел не в возбуждении классовой ненависти, а в том, чтобы «способствовать культурному возрождению России» [4. С. 11, 13, 30]. Н.А. Бердяев настаивал: «Политическое освобождение возможно лишь в связи с духовным и культурным возрождением и на его основе» [Там же. С. 30].

События 1917 г. еще более укрепили философа в этом убеждении. Свои мысли на сей счет он развивал во втором «веховском» сборнике – «Из глубины» (1918). Статью «Духи русской революции» Н.А. Бердяев начал с констатации: «С Россией произошла страшная катастрофа» [5. С. 250]. Причины этой катастрофы он вновь связывает с культурным состоянием русского общества и прежде всего с духовным обликом интеллигенции. Революцию он называет «великой проявительницей», показавшей «омертвление русских душ», всеобщее духовное «обнищание», вследствие которого «русский человек отрицает государство, культуру, родину, нормативную мораль, науку и искусство» [Там же. С. 261]. Однако проявлением чьих-то пороков роль революции в судьбе отечества для него не исчерпывается. Философ переходит к прямому и резкому ее обличению: «Русская революция враждебна культуре, она хочет вернуть к естественному состоянию народной жизни, в котором видит непосредственную правду и благость. Русская революция хотела бы истребить весь культурный слой наш, утопить его в естественной народной тьме» [Там же. С. 283]. Россию, по его словам, истерзали «злые духи», учинившие разнузданную оргию. «И освобождение от них предполагает духовное перерождение народа, внутренний в нем переворот. Революция не является таким переворотом», – резюмировал мыслитель [Там же. С. 258–259].

Осмыслению причин революции, ее истинных и ложных целей, реальных и потенциальных перспектив Н.А. Бердяев посвящал статью за статьей в течение полутора лет после свержения самодержавия. Эти публицистические работы составили авторский сборник «Духовные основы русской революции. Опыт 1917–1918 гг.» (1918). Из рассуждений философа вытекает, что он отнюдь не считал себя контрреволюционером, более того, полагал, что революция была неизбежна, подчеркивал, что ее вызвали нетерпимое положение масс, обветшалость всех общественных институтов царской России, разложение традиционных духовно-ценностных основ русской жизни. Вместе с тем его удручала та трансформация, которую претерпевала русская революция в ходе своего нарастания. По его мнению, изначальный импульс всеобщему протесту против монархии задал «инстинкт самоосвобождения целого народа», и в этом стихийном порыве революция сплотила нацию, укрепила ее единство. Однако с развитием и углублением революционного процесса сложившаяся было целостность рассыпалась на враждующие группы, каждая из которых принялась отстаивать свои корыстные интересы, подчиненные «целям социального благополучия», в то время как истинная свобода – «божественная цен-

ность, высшая цель, мечта многих поколений лучших русских людей» – достигается не просто внешним избавлением от давления властей, но внутренним духовным преображением [6. С. 116, 119–120, 148]. Главным фактором этой, как ему казалось, деформации изначальной сути освободительного движения философу представлялась специфика общественного сознания вождей русской революции со свойственными ему утилитарно-нигилистическими тенденциями, которые, в свою очередь, сформировались по объективным культурно-историческим причинам: «Нигилизм нашего революционного сознания есть порождение старого и долгого рабства. Большая доля вины за него падает на классы руководящие и господствующие, на нравственное вырождение сверху... Интеллигенция изменяет своему назначению быть независимым и свободным органом высшего сознания и высшей культуры духа... И нужно сознаться, что всей мыслящей части русского общества, которая почитала себя носительницей сознательных идей, есть в чем покаяться и от чего очиститься» [Там же. С. 125, 146, 164].

К постижению причин, социокультурной природы и цивилизационных последствий русской революции мыслитель вновь и вновь возвращался до конца своих дней. Неприятие им революционного насилия и проявлений бездуховности в большевистской России оставалось неизменными, но с течением времени гневный антиреволюционный пафос постепенно уступал место более взвешенным оценкам политического процесса и его участников, причем как сторонников революции, так и ее противников. Оказавшись в вынужденной эмиграции, он не только упорно продолжал разоблачать «ложь коммунизма», но и последовательно выступал против реставрационных настроений монархических кругов русского зарубежья. Его постоянной публицистической трибуной в Париже стал журнал религиозно-философской мысли «Путь» (1925–1940), основателем и редактором которого он сам же и являлся.

В редакционной статье «Духовные задачи русской эмиграции», открывавшей первый номер нового издания, формулировалась его миссия: способствовать сохранению и развитию русской духовной культуры как необходимому условию будущего возрождения России [7]. Духовность трактовалась интеллектуальными силами, объединившимися вокруг этого издания, прежде всего в православном ключе, однако журнал «Путь» не был богословским по содержанию и не являлся рупором церкви. На его страницах представлены религиозно-философские размышления о судьбе покинутой Родины, ее истории и культуре, современном состоянии и перспективах развития. В число наиболее обсуждаемых вопросов входил курс русской революции. Тон этому разговору задавал Н.А. Бердяев. Философ пытался дать объективный анализ кардинальных перемен в российской действительности. Судя по многочисленным выступлениям на страницах журнала «Путь», в своих обращениях к эмигрантской среде Н.А. Бердяев неустанно подчеркивал «невозможность возврата к тому, что было до революции и войны» [8. С. 134], «неотвратимость и неотменимость факта революции, с которой

нужно начинать теперь всякую деятельность» [9. С. 180].

Мыслитель внутренне так и не принял революцию, он не разделял ее целей и идеалов. Тем не менее ему пришлось смириться с ее бесповоротностью. Он писал: «Не признавать революцию есть словосочетание, лишенное реального смысла. Я не люблю революции и не вижу в ней самой ничего хорошего, она ужасна, отвратительна в своих образах, она есть тяжкая расплата. Но я признаю, что революция свершилась и что после нее начинается новый период нашей истории» [9. С. 180]. Философ пытался повернуть эмигрантское сознание от «дореволюционных» унаследованных к «пореволюционным», донести до собратов по изгнанию мысль о бесплодности внешней борьбы с большевизмом. Он настойчиво разъяснял читателям своего журнала: любое выступление «старорежимных» сил не только получит отпор со стороны Красной Армии, но и натолкнется на жесткое сопротивление всего народа, сплотит его вокруг советской власти. Народ не хочет возвращения свергнутого режима и не допустит этого: «Большевистская власть для крестьян, для рабочих, для красноармейцев, для новой интеллигенции, порожденной революцией, превращается в охрану от призрака реставрации, от дореволюционных настроений и устремлений» [Там же. С. 177]. Н.А. Бердяев полагал, что советская власть будет свергнута только после того, как сам народ восстанет против нее.

Выступая убежденным противником политического радикализма в борьбе с большевистским режимом, Н.А. Бердяев отнюдь не проявлял лояльности к большевизму, но он признал революцию как данность, как непреложный факт. Он желал свержения коммунистической системы, но принципиально расходился с правомонархическими лидерами в представлениях о средствах борьбы с ней и путях последующего развития страны. Философ отвергал популярную в эмигрантской среде идею реставрации монархии: «Сама идея реставрации есть идея насилия и кровопролития, она не хочет считаться с органическими процессами в народной жизни, с преодолением революции изнутри, имманентно» [Там же. С. 180]. Выступая против «абсолютизации относительных и преходящих исторических форм» [10. С. 142], он не цеплялся, в отличие от многих, за монархические идеалы. Философ справедливо утверждал: «Монархия в старом смысле стала в наши дни утопией» [9. С. 179]. Он напоминал: «Монархия не была у нас даже свергнута, она сама пала от разложения, от потери веры в нее» [Там же. С. 180]. Не уповал он и на монархические лозунги «спасения России»: «Никогда наши “правые” не защищали “вдов и сирот”, они предпочитали устраивать еврейские погромы» [11. С. 110].

Н.А. Бердяев не считал возможным оправдывать насилие монархистов революционным насилием: «Нельзя сравнивать революцию, которая есть болезнь и разлив хаотической стихии, с монархией, которая претендует быть устойчивым порядком жизни. Более всего крови проливают революции и более всего совершают насилий, это бесспорно. Но революции не имеют нормативного характера. Насилия же, к кото-

рым склонны правые монархические партии, смертные казни, тюрьмы, преследования инаковерующих и инакомыслящих, носят характер нормативный, возводятся в закон жизни» [9. С. 180]. По мнению Н.А. Бердяева, мотивы агрессивных устремлений сторонников и противников революции были общими – и теми и другими двигали в первую очередь мстительные чувства: «Революция всегда есть явление мести, в ней поднимаются мстители за несправедливость и угнетение прошлого, за крепостное право, за испытанную бедность, за унижение человеческого достоинства. Всякая месть духовно отвратительна и для христианина неприемлема. Но месть за революцию еще отвратительнее мести революционной, в ней мстят за утерю своего привилегированного положения, не сознавая своих грехов» [Там же. С. 180].

Призывая не идеализировать ни революцию, ни дореволюционный строй, философ находил много общего в моральном (точнее – аморальном) облике противоборствующих сторон: «Наиболее легко преступают пределы различия между добром и злом крайние правые – монархисты и националисты, и крайние левые – коммунисты. В этом они схожи по духу, по типу» [12. С. 86]. Мыслитель с горечью замечал, что готовность политической эмиграции использовать любые средства борьбы против советской власти мало отличается от «культурной разрушительности большевиков» [8. С. 134]. Любые политические цели общественного движения философ считал заблуждениями. Политика, по его убеждению, сама по себе не способна коренным образом преобразовать и усовершенствовать общество. Крайности революции и контрреволюции сходились и в этом ошибочном уповании на политику: «Монархия сейчас есть рожденная ненавистью к настоящему утопия совершенного общественного строя. Она играет ту же роль, какую играл социализм в течение всего XIX в., который также был утопией совершенного социального строя» [13. С. 14]. Не разделяя ложных политических целей, Н.А. Бердяев резонно утверждал: «Если человек хочет любить только монархическую Россию, то значит, любовь к России и к русскому народу не является у него первичной и главенствующей, им движет любовь к государству и государственной форме, а не к своей земле и своему народу» [Там же. С. 15].

Возрождение России для мыслителя было связано совсем не с возвращением дореволюционных порядков: «Главная сейчас задача есть задача духовного просветления народных слоев, всколыхнувшихся от революции, пробуждения в них религиозного и национального сознания» [Там же. С. 15]. Чувство разразившейся катастрофы, охватившее его после революции, сменилось настроенностью на длительную и глубокую духовную работу. Будучи религиозным мыслителем, основу цивилизационного развития России он видел в духовном преображении народа: «Русским людям нужно прививать благородное почитание творческих усилий духа, уважение к мысли, любовь к человеческому качеству» [8. С. 139].

Н.А. Бердяев настаивал на том, что важнее задумываться о содержании жизни государства и обще-

ства, чем о ее социальных формах, будь то монархия или республика. По его убеждению, государственное устройство – это технический вопрос, а основополагающим является вопрос о том, «какой дух движет властью и определяет жизнь общества» [10. С. 144]. К этой мысли он возвращался неоднократно, вновь и вновь убеждая читателя: «Важны не цели, не идеологии, а духовная основа жизни, духовные истоки жизни, по которым определяется “путь”. Не новые идеологические цели нужно ставить политике, а новые духовные основы и истоки для нее найти, то есть исходить из духовного возрождения, из нового духа жизни. Это предполагает ограничение сферы политики, недопущение ее главенства над жизнью и ее вампирического развития. Важны не новой идеологии люди, а *нового духа люди*» [12. С. 88].

Под духовностью Н.А. Бердяев понимал, прежде всего, приверженность христианской истине. Исходя из этого, главной задачей эмиграции он считал не военно-политическое насильственное «низвержение революции», а ее духовное развенчание: «Нужна непримиримая духовная борьба с коммунистической идеологией, с безбожием и бесчеловечием коммунистической диктатуры, с ложью и обманом, с деморализацией и обездушиванием, но не с новой, порево-

люционной рабоче-крестьянской Россией, которую свергнуть нельзя, а можно лишь просветлять и облагораживать» [12. С. 94].

Всегда стремившийся оставаться над классовыми схватками и, как следствие, постоянно подвергавшийся нападкам и «правых», и «левых», Н.А. Бердяев занимал принципиально беспартийную позицию, не позволяя себе подменять философский анализ и журналистское высказывание политической пропагандой. И потому, несмотря на определенную утопичность его культурософских интерпретаций сложнейших политических процессов, размышления Н.А. Бердяева по сей день не утрачивают глубины и значимости. Идеи мыслителя об устранении кризисных состояний социума средствами культуры, манифестированные им в многочисленных публицистических выступлениях, разумеется, не могли бы служить конкретной политической программой или практическим руководством к прямому действию. Тем не менее его культурософский подход к осмыслению общественно-политической реальности побуждает задуматься о сомнительной успешности каких бы то ни было модернизационных проектов, не учитывающих культурных факторов общественных процессов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М. : Книга, 1991. 446 с.
2. Бердяев Н.А. Культура и политика (к философии новой русской истории) // Бердяев Н. *Sub specie aeternitatis: опыты философские, социальные и литературные*. М. : Канон+; Реабилитация, 2002. С. 310–326.
3. Бердяев Н.А. Революция и культура // Бердяев Н. *Sub specie aeternitatis: опыты философские, социальные и литературные*. М. : Канон+; Реабилитация, 2002. С. 419–427.
4. Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Из глубины. М. : Правда, 1991. С. 11–30.
5. Бердяев Н.А. Духи русской революции // Вехи. Из глубины. М. : Правда, 1991. С. 250–289.
6. Бердяев Н.А. Духовные основы русской революции. Опыт 1917–1918 гг. СПб. : РХГИ, 1998. 432 с.
7. Духовные задачи русской эмиграции // Путь. 1925. № 1. С. 3–8.
8. Бердяев Н.А. Евразийцы // Путь. 1925. № 1. С. 134–139.
9. Бердяев Н.А. Дневник философа (спор о монархии, о буржуазности и свободе мысли) // Путь. 1926. № 4. С. 176–182.
10. Бердяев Н.А. Ответ на письмо монархиста // Путь. 1926. № 3. С. 140–144.
11. Бердяев Н.А. Дневник философа (о духе времени и монархии) // Путь. 1927. № 6. С. 110–114.
12. Бердяев Н.А. Дневник философа (о средствах и целях, о политике и морали, о политике христианской и политике гуманистической, о двух пониманиях задач эмиграции) // Путь. 1929. № 16. С. 82–94.
13. Бердяев Н.А. Иллюзии и реальность в психологии эмигрантской молодежи // Путь. 1928. № 14. С. 3–30.

Статья представлена научной редакции «История» 27 января 2018 г.

CULTUROSOPHICAL CRITICISM OF THE RUSSIAN REVOLUTION IN N.A. BERDYAEV'S PHILOSOPHICAL JOURNALISM

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 431, 88–92.

DOI: 10.17223/15617793/431/11

Marina A. Voskresenskaya, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: m.voskresenskaya@spbu.ru; marina3010@ngs.ru

Keywords: N.A. Berdyaev; Russian revolution; journalism; culturosophical interpretation of political process.

The article traces the formation of N.A. Berdyaev's views on the Russian Revolution in the framework from uncertain expectations of some spiritual change to the evaluation of the real political events and finding ways to overcome their negative effects. The thinker's philosophical journalistic materials reveal his culturosophical approach to the analysis of political reality. A number of journalistic sources of the period of the first Russian Revolution show that the philosopher declared the real purpose of a liberation struggle was not only the deliverance of the underclass from a political and economic oppression, but also the cultural transformation of the country. The thinker recognized the revolution had the rightness of social justice, but at the same time feared revolutionary destructiveness that could replace monarchical despotism. Berdyaev perceived the real outcome of the events of 1905–1907 and 1917 as a disaster. Understanding and assessment of these events is the subject of Berdyaev's numerous articles included in the philosophical and journalistic collections of *Milestones* (1909), *From Depth* (1918), *The Spiritual Foundations of the Russian Revolution* (1918). The philosopher analyzed the social upheavals not through the party-political positions, but in spiritual and moral ways. He noted that in spite of the fact that the revolution had objective reasons, it nevertheless had selfish, utilitarian, soulless interests of its supporters, who resorted to revolutionary violence. Berdyaev considered the desire for social well-being as a perversion of the true

nature of the revolution. He imposed the blame for this perversion on the Russian revolutionary intelligentsia and its low cultural level. Time and again he insisted that political liberation was possible only on the basis of the cultural growth and spiritual development of society. Berdyaev was always an implacable enemy of Bolshevism. However, he did not support the idea of the restoration of the monarchy. When in involuntary emigration, the philosopher continued to expose the “lies of communism”, but but thought about the improvement of the post-revolutionary Russian life rather than about the return of the pre-revolutionary order. His philosophical and religious edition *Put'* [The Way] (1925–1940) became Berdyaev's ongoing journalistic podium in Paris. Through his regular publications on the pages of the magazine, the philosopher convinced readers that the Soviet government would be overthrown, but only in case if the people would rise up against it. He claimed that any revolution or its opponents were not to be idealized. He condemned the violence manifested on both sides. He treated any political goals of a social movement as a delusion in which the extremes of revolution and counter-revolution converged. The philosopher did not associate the revival of Russia with a particular ideology or a change of government in the country, but with the spiritual enlightenment of the people and the cultural transformation of the Russian society. He assured the emigre audience that the hard work for the ennoblement of the worker-peasant souls would lead to the fall of the Communist dictatorship. On this basis, he considered that the main task of the Russian Diaspora was not an armed overthrow of the revolution, but its spiritual debunking. Summing up the research, the author concludes that Berdyaev's thoughts, set out in the philosophical and journalistic works, could not be used as a political tool or guide to direct actions, but his culturological approach to the analysis of political reality was relevant because any project for modernization of the society should take into account the cultural consciousness of society.

REFERENCES

1. Berdyaev, N.A. (1991) *Samopoznanie (opyt filosofskoy avtobiografii)* [Self-knowledge (An essay on autobiography)]. Moscow: Kniga.
2. Berdyaev, N.A. (2002) *Sub specie aeternitatis: opyty filosofskie, sotsial'nye i literaturnye* [Sub specie aeternitatis: Philosophical, social and literary experiences]. Moscow: Kanon+; Reabilitatsiya. pp. 310–326.
3. Berdyaev, N.A. (2002) *Sub specie aeternitatis: opyty filosofskie, sotsial'nye i literaturnye* [Sub specie aeternitatis: Philosophical, social and literary experiences]. Moscow: Kanon+; Reabilitatsiya. pp. 419–427.
4. Berdyaev, N.A. (1991) *Filosofskaya istina i intelligentskaya pravda* [Philosophical truth and intelligentsia truth]. In: Yakovlev, A.A. (ed.) *Vekhi. Iz glubiny* [Milestones. From the depth]. Moscow: Pravda.
5. Berdyaev, N.A. (1991) *Dukhi russkoy revolyutsii* [The spirits of the Russian Revolution]. In: Yakovlev, A.A. (ed.) *Vekhi. Iz glubiny* [Milestones. From the depth]. Moscow: Pravda.
6. Berdyaev, N.A. (1998) *Dukhovnye osnovy russkoy revolyutsii. Opyty 1917–1918 gg.* [Spiritual foundations of the Russian Revolution. Experiments of 1917–1918]. St. Petersburg: RKhGI.
7. Put'. (1925) *Dukhovnye zadachi russkoy emigratsii* [Spiritual problems of the Russian emigration]. *Put'*. 1. pp. 3–8.
8. Berdyaev, N.A. (1925) *Evraziysy* [The Eurasians]. *Put'*. 1. pp. 134–139.
9. Berdyaev, N.A. (1926) *Dnevnik filosofa (spor o monarkhii, o burzhuaznosti i svobode mysli)* [Diary of a philosopher (dispute about monarchy, about bourgeoisness and freedom of thought)]. *Put'*. 4. pp. 176–182.
10. Berdyaev, N.A. (1926) *Otvety na pis'mo monarkhista* [Reply to the letter of a monarchist]. *Put'*. 3. pp. 140–144.
11. Berdyaev, N.A. (1927) *Dnevnik filosofa (o dukhe vremeni i monarkhii)* [Diary of a philosopher (on the spirit of time and monarchy)]. *Put'*. 6. pp. 110–114.
12. Berdyaev, N.A. (1929) *Dnevnik filosofa (o sredstvakh i tselyakh, o politike i morali, o politike khristianskoy i politike gumanisticheskoy, o dvukh ponimaniyakh zadach emigratsii)* [Diary of a philosopher (on means and goals, on politics and morality, on Christian politics and humanistic politics, on two understandings of the tasks of emigration)]. *Put'*. 16. pp. 82–94.
13. Berdyaev, N.A. (1928) *Illyuzii i real'nost' v psikhologii emigrantskoy molodezhi* [Illusions and reality in the psychology of emigrant youth]. *Put'*. 14. pp. 3–30.

Received: 27 January 2018